

Аспекты компаративистики 4.

Под ред. Г. С. Старостина.

Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности,
выпуск XXVIII. Москва: РГГУ, 2009. 262 с. ISBN 978-5-7281-1110-8

Начиная с 2005 года, сборники *Аспекты компаративистики* являлись основным печатным органом Московской компаративистической школы, группирующей вокруг Центра компаративистики Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета. С появлением периодического журнала *Вопросы языкового родства* они приняли на себя более специализированную роль сборников материалов конференций, организуемых Центром компаративистики. Рецензируемый сборник содержит расширенные доклады участников Чтений памяти С. А. Старостина, проводившихся в марте 2008 года. Он объективно отражает круг интересов друзей, коллег и учеников Сергея Анатольевича Старостина — от исследований в области дальнего языкового родства, являющихся «фирменным продуктом» Московской компаративистической школы, до сравнительных грамматик традиционных языковых семей, этимологии и этнолингвистической реконструкции. Статьи, вошедшие в сборник, написаны на русском и английском языках.

Учитывая широкий географический охват статей рецензируемого сборника, едва ли найдется исследователь, обладающий филологической подготовкой по всем обсуждаемым в нем языковым семьям. Рецензент не претендует на оценку научного вклада каждой отдельной статьи с точки зрения узкого специалиста в соответствующей области. Высказывая конкретные замечания там, где это уместно, мы ограничиваемся в большинстве случаев изложением идей авторов и их обсуждением с точки зрения общей методологии исторической лингвистики.

Русскоязычная часть сборника открывается работой А. А. Бурыкина «Идеи С. А. Старостина и дальнейшие перспективы алтаистики». Данная статья содержит информацию историко-биографического характера и, по признанию самого автора, частично ориентирована на будущих историков науки. К сожалению, лингвистические разделы статьи, отражающие взгляды автора на общеалтайскую реконструкцию, написаны без опре-

деленного плана и вызывают вопросы методологического характера. В частности, приведен ряд примеров вокалических соответствий эвенк. *и* ~ монг. *a/e*, призванных обосновать связь между эвенкийским *bi* и монгольским *ba* 'мы' (стр. 14–16). С точки зрения общих принципов реконструкции, было бы правильнее оперировать сегодня пратунгусо-манчжурскими и прамонгольскими формами в качестве промежуточного звена в аргументации. В ряде случаев изложение нетривиальных научных гипотез не сопровождается ни их обоснованием, ни ссылками на предшествующую литературу. Так, например, обстоит дело с объяснением тюркских «квазисоответствий *r~z*, *l~š*» как результатов позиционно распределенных упрощений в группах консонантных кластеров (стр. 21). Учитывая тему доклада, вызывает удивление отсутствие ссылок на алтайский этимологический словарь [Starostin et al. 2003].

Работа А. И. Когана «О ряде фонетических изменений в языке Кашмири и их относительной датировке» относится к наиболее глубоко проработанным статьям настоящего сборника. Автор рассматривает три группы звуковых переходов: изменения в вокализме, приведшие к развитию кашмирского умлаута, циклическое передвижение кашмирских аффрикат, приведшее к исчезновению их церебрального ряда, и эволюцию кашмирских сибилантов, также имевшую своим следствием исчезновение церебрального ζ . Все эти изменения разительно отличают Кашмири от большинства других дардских языков, а последние два сближают фонетический облик Кашмири с обликом большинства индоарийских языков, не принадлежащих к дардской группе. Используя данные кашмирских заимствований из иранского и персидского языков, а также типологические аргументы, автор доказывает недавний характер этих процессов. Применение внутренней реконструкции позволяет ему восстановить пракашмирскую фонетическую систему, не отличавшуюся сколько-нибудь заметным образом от усредненного дардского фонетического профиля. Поскольку несо-

вершенное овладение вторым языком часто приводит к фонетической интерференции, можно высказать предположение, что перестройка звуковой системы кашмири была связана с выходом носителей этого языка за пределы собственно дардского ареала, сопровождавшимся языковой ассимиляцией индоарийцев — аборигенов Кашмирской долины.

Темой работы П. М. Кожина «Средиземноморское «койнэ» в первом тыс. до н. э.» является социолингвистический анализ функционирования финикийского языка. Автор подробно останавливается на двух надписях, иллюстрирующих статус финикийского как средства межрегионального общения. Это финикийско-лувийская билингва из Каратепе (юго-восточная Анатолия) и финикийско-этрусская билингва из Пирги (тирренское побережье Италии). Лувийский и этрусский языки являлись автохтонными в соответствующих регионах, чего нельзя сказать о финикийском языке, очевидно принятом на вооружение по соображениям престижа. Автор, впрочем, придерживается несколько другой точки зрения в отношении билингвы из Пирги, считая, что ее этрусский текст упоминает некую народность или область *eniāsa pulutḫva*, где «был в обиходе финикийский язык и доминировал культ Астарты» (стр. 66). К сожалению, подобный перевод *eniāsa pulutḫva*, не являющийся общепринятым, не доказан в работе Кожина и, в любом случае, не подтверждается финикийским текстом билингвы. К списку цитируемой вторичной литературы по финикийской социолингвистике следует добавить Lipiński, 2004.

С нашей точки зрения, вопрос о статусе финикийского языка в раннем железном веке не следует отделять от вопроса об этногенезе финикийцев. Территория прибрежного Леванта, на которой в начале первого тысячелетия до н. э. процветали финикийские торговые княжества, подверглась в начале 12 века до н. э. нашествию «народов моря». Хотя проблема языков, на которых говорили эти завоеватели, не может быть решена окончательно за отсутствием письменных памятников, египетские источники изображают «народы моря» как союз племен, происходящих из различных частей средиземноморья, откуда следует, что они были разнородны также и в этническом отношении. При подобных обстоятельствах разумно предположить, что язык местного семитского населения, из которого постепенно развился финикийский, послужил для завоевателей языком межэтнического общения. Постепенно финикийский язык мог распространить этот статус также и на некото-

рые группы «народов моря», которые не осели на территории Финикии, с той разницей, что для них он не стал первым языком.

В этой связи следует отметить связь «народов моря» с теми регионами, откуда происходят надписи из Пирги и Каратепе. В числе племен, вторгавшихся в Египет на исходе бронзового века, упоминаются денъен и эквеш. Эти этнонимы связываются с топонимами Дануна и Хиява, обозначающими равнинную Киликию в финикийских и лувийских текстах. Сама надпись из Каратепе именуется местную правящую династию «домом Мопса», отсылая тем самым к известному персонажу греческой мифологии, якобы жившему во время Троянской войны, и мигрировавшему в Киликию из западной Анатолии [Oettinger 2008]. Еще одним враждебным племенем, известным из египетских источников, является турша/тереш, обычно отождествляемое с тирсенами/этрусками. Об активности предков тирсенов в восточном средиземноморье свидетельствуют, например, надписи с острова Лемнос на языке, близком к этрусскому [Beekes 2003].

В статье Т. А. Михайловой обсуждается этимология галльской формы *banon* ‘жен’ (род. мн.), встречающаяся в надписи из Ларзака. Для пракельтского языка реконструируются, в частности, следующие падежные формы от существительного ‘женщина, жена’: им. ед. *benā*, род. ед. *bnās*, им. мн. *bnās*, род. мн. *banōn* (стр. 69). Исходя из этой парадигмы, можно считать *banon* тривиальным аналогическим образованием, возникшим под влиянием падежных форм с нулевой степенью аблаута в корне. Автор, однако, не удовлетворяется таким решением и предлагает видеть в этой форме родительный падеж от незасвидетельствованного **banona* «предположительно — ‘жена’ в широком смысле или же, напротив ‘женщина’ в уничижительном смысле». В качестве обоснования этой гипотезы приводятся параллели из других кельтских языков: валл. *banon* ‘королева, молодая женщина’ и корн. *benep* ‘невеста’. Предложенное автором решение представляется противоречащим «бритве Оккама», поскольку надпись из Ларзака содержит другие формы базовой общекельтской лексемы со значением ‘женщина, жена’, но не дает независимых оснований для реконструкции производного **banona*. К тому же, предложенная интерпретация не снимает формальных проблем, поскольку **banona*, как любой другой вторичный отыменной дериват, не должно реконструироваться с корневым аблаутом (ср. галльское личное имя *Banonias* (род. ед.) [Matasović 2009: 61]).

Статья Ю. А. Норманской продолжает развивать выдвинутую ранее тем же автором гипотезу, согласно которой разноместное ударения в мокшанском диалекте мордовского языка можно проецировать на прафинно-волжский языковой уровень. Согласно этой гипотезе, позиция по отношению к реконструированному ударению являлась одним из решающих факторов, определявших развитие гласных в отдельных финно-волжских языках. В данной работе автор обращается к саамскому материалу, сосредотачиваясь на рефлексах финно-угорских фонем *e и *ä. По нашему мнению, статья содержит достаточно примеров, иллюстрирующих корреляцию между нетривиальным распределением рефлексов ф.-у. *e в мордовском и саамском языках (группа 1: морд. i ~ саам. *ε, *ē; группа 2 ~ морд. e/ä ~ саам. *e). Поэтому если корреляция между мокшанским ударением и отражением *e доказана для мордовского, то она, видимо, доказана и для саамского. Что касается гипотезы о связи двоякого отражения саамского *ä с местом мокшанского ударения, она обосновывается противопоставлением одного и трех примеров (стр. 83, 84—85) и поэтому не может считаться доказанной.

Работа С. А. Яцемирского «Labyrinthos: суффикс -nth- в минойском и тирренском языках» привлекает интересный языковой материал, но удивляет своими далеко идущими выводами. Автор обнаруживает большое количество форм, записанных линейным письмом А, в которых последней силлабограммой является -te-, и отождествляет этот элемент с греческим субстратным суффиксом -ivθo-. С другой стороны, в этрусском и ретийском также представлен суффикс -te, основное значение которого — указание на принадлежность к какой-либо общности или происхождение из города или местности. На основании этого факта, а также постулируемого типологического сходства между этрусским и «минойским» языками, Яцемирский приходит к выводу об их генетическом родстве. Подобный вывод представляется нам методологически неправомерным. Для объединения языков в одну группу недостаточно сопоставления изолированных суффиксальных морфем, значение одной из которых, к тому же, является неустановленным за отсутствием дешифровки языка линейного письма А. Хочется надеяться, что автору в ходе его дальнейшей работы удастся найти более сильные аргументы в пользу своей гипотезы.

Отдельно хотелось бы сказать об этимологии греческого λαβύρινθος ‘лабиринт’. Соглашаясь с

неприемлемостью возведения данного термина к лидийскому λάβρυς ‘топор’, известному в передаче Плутарха, нельзя вместе с тем поддержать предложенное автором сопоставление с глоссой Гесихия λάβριος ‘яма’. Нет никаких независимых оснований полагать, что прототипом легендарного критского Лабиринта, места убийства Минотавра Тесеем, являлось именно подземное сооружение. Гипотеза об идентификации Лабиринта греческой мифологии с дворцом царей Кносса, раскопанным Эвансом, по нашему мнению, остается заманчивой, но единственное, что можно сказать о Лабиринте с большой долей уверенности — это то, что мы имеем дело с критским именем собственным. Поэтому его когнаты следует, в первую очередь, поискать среди других топонимов. С формальной точки зрения, наиболее привлекательным остается сравнение гр. λαβύρινθος с карийским топонимом Λάβραυνδα. Оба имени собственных, вероятно, принадлежат к одному и тому же слою доиндоевропейской субстратной лексики, но λαβύρινθος оказалось заимствовано в древнегреческий язык непосредственно, а Λάβραυνδα — через посредство анатолийских языков. Возможная этимология слова для ‘лабиринта’, опирающаяся на данное сравнение, обсуждается в работе Yakubovich 2002.

Англоязычная часть сборника открывается статьей К. Бабаева «The Problem of clusivity in Indo-European vs. Nostratic», в которой справедливо критикуется один из многочисленных примеров «экзотизации» языковой реконструкции. Несмотря на отсутствие инклюзивных местоимений (‘мы с тобой’) в подавляющем большинстве языков, объединяемых в ностратическую макросемью, а также в большинстве подгрупп индоевропейской семьи, предпринимались попытки реконструировать оппозицию по инклюзивности/эксклюзивности как для индоевропейского, так и для ностратического праязыков. Подобная практика может отчасти объясняться подспудным желанием сделать реконструкции более интересными для типологов и общих лингвистов, но главным образом вызвана объективным наличием более чем одного кандидата на местоимение первого лица множественного числа в соответствующих праязыках. Для опровержения реконструкции инклюзивных местоимений необходимо выявить ошибочных кандидатов на ‘мы’, а также предложить сценарии их вторичной эволюции.

Оставляя в стороне решение данной проблемы для ностратического праязыка, можно показать вторичный характер форм на *mV-* по отношению

wei- ‘мы’ в индоевропейском (ср. стр. 115–16). В двух группах, армянской и балто-славянской, проникновение **mes* ‘мы’ в местоименную парадигму можно объяснить синтагматической аналогией с первичным глагольным окончанием 1 мн. **-mes/ *-mos*. Подобное тривиальное развитие могло происходить по отдельности в каждой из семей и, как сообщил нам Александр Китаев, находит прямую параллель в сефардском диалекте испанского языка, где мы находим *mosotros* ‘мы’ вместо кастильского *nosotros*. Тохарские клитики =*m* (А) / =*me* (Б) употребляются для всех трех лиц множественного числа в косвенных падежах и, по видимому, родственны хеттской клитике =*mas* ‘вам, вас; им’, никогда не употреблявшейся в первом лице, причем хеттская семантика является более архаичной [Yakubovich 2010: 191, сн. 48]. Что касается хеттской клитики =*mes*, она значит ‘мои (мн.)’ и не имеет отношения к рассматриваемой проблеме.

Эрудированная работа Вацлава Блажека посвящена обзору существующих гипотез относительно происхождения имени богини Афины и города Афин. Обсуждаются этимологии на базе догреческого субстрата, хурритского, хеттского, лувийского, древнеегипетского и семитских языков. Наиболее многообещающими признаются сравнение с хурр. *adani* ‘табурет (vel sim.)’, предполагающее примат топонима по отношению к теониму, и сопоставление с именем угаритской богини-воительницы Анат. Отмечается, что эти два объяснения не противоречат друг другу, и возможно греческая форма возникла в результате синкретического влияния хурритского и семитских языков (стр. 140). Однако с исторической точки зрения, учитывая, что рассматриваемое имя собственное засвидетельствовано уже в микенскую эпоху, наиболее вероятной из упомянутых в статье гипотез является субстратная. К сожалению, эта гипотеза не сулит скорого установления этимологии Афин(ы), поскольку язык субстрата континентальной Греции не может быть дешифрован за отсутствием текстов.

В любом случае, следует согласиться с мнением Блажека о неудачности лувийских этимологий Афин(ы). Лувийское (*a)tani* ‘враг’ (стр. 128) следует читать /*aguni-*/, что является рефлексом более раннего **al(i)wanni-* [Yakubovich 2009, см. ниже]. Лувийское **atni-*, упомянутое на стр. 131 как вариант *atri-* ‘персона, душа; статуя’, следует читать *tani-* ‘душа’, причем эти два существительных этимологически не связаны друг с другом [van den Hout 2002]. Возможно, однако, что корень лувийского

(COR) *á-ta-na-sa-ma-* ‘мудрость’ является результатом их контаминации.

Исследованию полинезийской метрики посвящена совместная работа А. И. Давлетшина и А. В. Козьмина. Сравнивая дисперсии длины строки поэтического текста, измеряемой в морях, в трех различных языках, авторы пришли к выводу, что стихосложение на языке Тонга является наиболее регулярным, гавайское стихосложение занимает промежуточное положение, а стихи на языке рапануи являются наиболее свободными в метрическом отношении. Данное распределение коррелирует с данными исторической фонетики: вокалическая система тонга оказывается наиболее консервативной, в гавайском языке обнаруживаются вторичные долготы, а язык рапануи нейтрализовал оппозицию между историческими долгими и краткими гласными. На этом основании можно выдвинуть гипотезу о модели силлабического стихосложения, унаследованной из общеполнезийского состояния, которая подверглась различной степени эрозии в языках данной группы по лингвистическим причинам.

Большая статья А. С. Касьяна «Anatolian lexical isolates and their external Nostratic cognates» представляет собой попытку практического подхода к интеграции индо-хеттской и ностратической гипотез. Если исходить из того, что анатолийский и позднеиндоевропейский праязыки существовали в одно и то же время и являлись двумя ветвями индо-хеттской семьи, то логично предположить, что каждый из них обладал лексическими архаизмами, которые были утеряны в другом праязыке. Для выявления подобных архаизмов в анатолийской лексике и отличения их от позднейших инноваций необходимо выйти за пределы индо-хеттской общности и рассмотреть специфические сходения между анатолийским словарем и лексическим материалом неиндоевропейских ностратических языков. Исследование Касьяна ставит своей целью собрать все мыслимые параллели между анатолийскими лексемами без надежных индоевропейских этимологий и их ностратическими когнатами. При этом, этимологии разбиты на две группы по степени их вероятности. Рискнем предположить, что данный максимальный список будет постепенно сокращаться по мере уточнения ностратической реконструкции.

Касьян отвергает гипотезу Э. Рикен [apud Yakubovich 2009] о заимствовании хетт. *alwanzahh-* ‘заколдовать’ из лув. *ali-wa-ni-* ‘враг’ как по фонетическим, так и по семантическим соображениям, предлагая вместо этого ностратическую этимоло-

гию для хеттского глагола (стр. 155). Однако, согласно личному сообщению самого А. С. Касьяна, анатолийский иероглиф бронзового века *416 = <alī>, вероятно, имеет также чтение <alu>, поскольку в железном веке его рефлекс *319 мог употребляться для передачи /lu/, /ru/. Поэтому для ранне-лувийского 'враг' можно предложить теперь чтение *al(u)wanni-*, которое, кстати, лучше согласуется с его отражением как *alunni-*, *arunni-* в позднелувийском. Что касается семантики, черная магия могла восприниматься, как метод отчуждения объекта ритуала от сакрального мира, и превращения его во врага богов. Сходное по функции действие в изменившейся этнографической ситуации описывается русскими глаголами *чмырить*, *чмарить*, представляющими собой деривационную параллель к хетт. *alwanzahh-*.

Работа Никиты Круглого-Энке состоит в основном из подробной росписи рефлексов ностратических вибрантов в эскимосо-алеутских языках. Целью работы является проверка гипотезы о существовании особого ностратического вибранта **r*₁, чьи рефлексы неотличимы от **r* во всех ностратических языках кроме японского, где **r*₁ якобы отражается как *-(n)t-* в интервокальной позиции. Выясняются, что данные эскимосо-алеутских языков не подтверждают такой гипотезы. Хотя для данной группы также можно было бы реконструировать вибрант **r*₁ на основании соответствия эск. **j* ~ ал. **ǰ*, гипотетическое **r*₁ эскимосо-алеутской реконструкции не обнаруживает корреляции с гипотетическим **r*₁ реконструкции ностратической. Следует отдать дань уважения научной честности автора, признающего отрицательные результаты проведенного эксперимента.

Заключительная статья Георгия Старостина посвящена поискам исторического объяснения возникновения контраста между дентальными, альвеолярными и ретрофлексными рядами согласных в дравидийских языках. Как известно, подобный контраст не характерен для какой-либо другой семьи, относимой к ностратической макросемье. Автор справедливо отмечает, что ссылка на иноязычный субстрат в дравидийском не имеет статуса объяснительной гипотезы, поскольку противопоставление между тремя рядами корональных согласных наблюдается и в унаследованной лексике. В статье по очереди обсуждаются возможные ностратические соответствия для отдельных дравидийских согласных корональной зоны. Для сонантов немаркированным признается дентальный ряд, сонанты альвеолярного ряда рассматриваются как возможный результат вто-

ричной палатализации, а ретрофлексные сонанты возводятся к ностратическим палатальным. Напротив, для смычных немаркированным признается ретрофлексный ряд, альвеолярный ряд также объясняется через вторичную палатализацию, а дентальный ряд выводится из рефлексов ностратических **lT* и **rT*. Последнее из предлагаемых соответствий, вероятно, вызовет наибольшую дискуссию, поскольку, как отмечает и сам автор, именно **lT* и **rT* отражаются как ретрофлексные смычные в санскрите. Для объяснения того, как одни и те же кластеры могут, как вызывать, так и блокировать ретрофлексивизацию, желательно построение артикуляторной или акустической модели.

Подведем итоги. Несомненным достоинством рецензируемого сборника является творческий (не компилятивный) характер всех собранных в нем публикаций. Что касается научного уровня этих публикаций, он варьирует от статей, которые сделали бы честь любому профессиональному журналу, до работ, написанных на любительском уровне. Это, разумеется, естественно для материалов конференции, публикуемых без предварительного реферирования. Будем надеяться, что по мере упрочения традиции Старостинских чтений будет создана система отбора докладов для последующей публикации, что, в свою очередь, повысит престиж конференции.

Литература

- BEEKES, Robert S. 2003. *The Origin of the Etruscans*. Amsterdam: Akademie van Wetenschappen.
- VAN DEN HOUT, Theo. 2002. Self, Soul, and Portrait in Hieroglyphic Luvian // *Silva Anatolica. Anatolian Studies Presented to Maciej Popko on the Occasion of His 65th Birthday*. P. TARACHA (ed.). Warsaw: Agade. Pp. 171–86.
- LIPÍŃSKI, Edward. 2004. *Itineraria Phoenicia*. Leuven: Peeters.
- MATASOVIĆ, Ranko. 2009. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden: Brill.
- OETTINGER, Norbert. 2008. The Seer Mopsos (Muksas) as a Historical Figure // *Hiitites, Greeks, and Their Neighbors in Ancient Anatolia*. B.-J. COLLINS, M. BACHVAROVA and J. RUTHERFORD (eds.). Oxford: Oxbow. Pp. 63–6.
- STAROSTIN, Sergey, Anna DYBO, and Oleg MUDRAK. 2003. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Leiden: Brill.
- YAKUBOVICH, Ilya. 2002. Labyrinth for Tyrants // *Studia Linguarum 3 (Memoriae A. A. Korolëv dicata)*. A. S. KASSIAN and A. V. SIDEL'TSEV (eds.). Moscow: Languages of Slavonic Culture. Pp. 93–116.
- YAKUBOVICH, Ilya. 2009. The Luvian Enemy // *Kadmos 47(1/2)*: 1–19.
- YAKUBOVICH, Ilya. 2010. *Sociolinguistics of the Luvian Language*. Leiden: Brill.